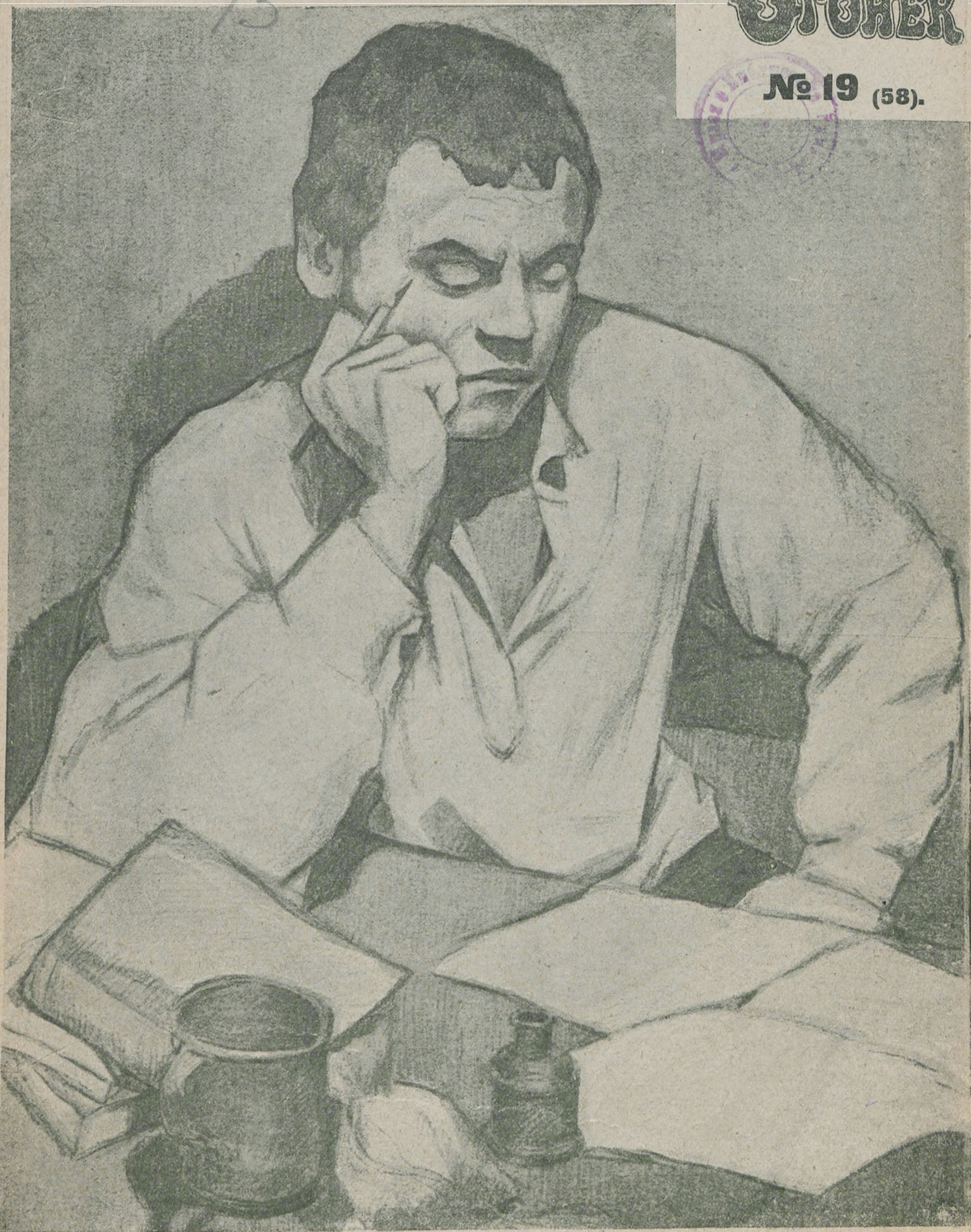




ПЕРВАЯ СТАТЬЯ...

Рабочий корреспондент за работой.

Рис. Н. Н. Качаева.



ДОМАШНЯЯ ТИПОГРАФИЯ.

Необходимый каждому частному и государственному учреждению полный печатный прибор передвижных каучуковых букв, которыми всякий сам в состоянии составлять и печатать разного рода тексты, как-то:

**АДРЕСНЫЕ КАРТЫ, БЛАНКИ,
КОНВЕРТЫ, ЦИРКУЛЯРЫ,
ЗАЯВЛЕНИЯ и проч.**

№ 75 с 139	цена 7 руб.
" 76 " 219	" 10 "
" 77 " 299	" 18 "
" 78 " 253	" 14 "
" 79 " 447	" 21 "
" 80 " 641	" 24 "

Для набора букв и печатания прилагается бесплатно металлический компастер, щипцы и невысыхающая подушка.

Каждый отпускаемый комплект содержит: 32 цифры с 1 № и знаки препинания.

Требования высылаются всем немедленно по получении заказа налож. платеж. без задатка.

АДРЕСОВАТЬ: Москва, Почтамт, почтовый ящик № 699.

„БЮРО КЛИШЕ“

Издательства „МОСПОЛИГРАФ“.

СНАБЖЕНИЕ ВСЕХ РЕДАКЦИЙ И ИЗДАТЕЛЬСТВ ГОТОВЫМИ КЛИШЕ

по всем вопросам информации, агитационным кампаниям и специальным вопросам по запросам редакций и издательств.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ АБОНЕМЕНТЫ для газет с удешевлением стоимости на 75%.

ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ по удешевленным ценам для всех журналов.

РАССЫЛКА ЕЖЕДНЕВНАЯ за счет Бюро Клише во все концы СССР.

ВЫБОР ИСПОЛЬЗОВАЕМЫХ КЛИШЕ для всякого рода изданий.

**ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТ ПО ПЕРВОМУ
ТРЕБОВАНИЮ.**

Адресовать: Москва, Тверская, Благовещенский пер., 3, „БЮРО КЛИШЕ“.

**БЕЗ
МЕТ
МЕТ
МЕТ
НА
МЕТ**

ТОЛЬКО

**ХОРОШАЯ
ТИПО-
ГРАФИЧЕСКАЯ
КРАСКА
ЗАЛОГ УСПЕХА!
НАИЛУЧШАЯ У**



**ХОРОШЕЙ
КРАСКИ,
ЯСНОЙ
ПЕЧАТИ.
ХОРОШЕЙ
ПЕЧАТИ,**

**ПРИЯТНОГО
ИЗДАНИЯ.
ПЛОХИЕ
ИЗДАНИЯ,
ПОТРЕ-
БИТЕЛЯ!**

МОСКВА

**ЗНАМЕНКА,
ВАХАНЬОВСКИЙ пер.
Д. № 3/а**

А.Я.ЯКОВСОН Тел. 28-87.



прелестные карманные открытые

ЧАСЫ

всемирной известной марки

„МОЗЕР“,

завод без ключа, НАСТОЯЩИЕ НИКЕЛЕВЫЕ тщательно проверенные. На крышке помещен художественно исполненный портрет В. И. Ленина.

Цена 30 рублей.

Часы высылаются немедленно по получении заказа наложенным платежом без задатка.

Требования адресовать: Москва, Почтамт, почтовый ящик № 699

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, Баговец, пер., 3. Тел. 4-80-08, 86-77. ЭКСПЕДИЦИЯ: Б. Дмитр., 17, кв. 57. Тел. 41-88. Телеграф. адрес: «Москва ОГОНЕК» Тариф объявл.: 1 стр., 40 чер., 1/2 стр. — 20 чер., 1/4 стр. — 10 чер. 1 строка нопи. в 1 кол. — 60 чер. коп. На обложке — на 50 % дороже. Среди текста — в 2 раза дор. Сверх тарифа — 15% налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 11—5 ч.

ОГОНЕК

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на один месяц — 50 к. На под., считая с 1 апр. — 5 руб. За прежние месяцы — по 70 к. Допускается рассрочка в 3 срока: до 1 апр. 2 руб., до 1 июня 2 руб. и до 1 авг. 1 руб. За границей: на 1 мес. — 85 сент. 1 экз. — 10 сент. или в пер. воде на соотв. местн. валюту. Подписка на «Огонек» принимается во всех почт. телегр. учрежд. и во всех отделениях и агентствах Госбанка.

№ 19 (58)

4-го мая 1924 г.

№ 19 (58)

Человеческое сердце

Рассказ Андрея Соболя

I.

На бывшем Невском, ныне проспект 25 октября, он мелькнул раз-другой и исчез.

С тем, чтоб потом, уже бритым — джентельменом с папирсной коробки, 25 штук, высший сорт «А» — появиться в Москве, на Кузнецком.

Желтые ботинки, желтые гетры, желтые перчатки, — все желтое, даже лицо, цвета старой добротной слоновой кости, и кончики пальцев в желтых пятнах от непрерывного свертывания папирсенок-самокруток.

Даже волосы с желтизной — и только вне всего, над всем — и над желтыми гетрам, и над желтыми перчатками — глаза

Глаза человека.

Все остальное от паспорта, все остальное от прекрасного бумажника (тоже желтого!), где рядом с плотной связкой долларов, фунтов — рекомендательное письмо виднейшего английского коммуниста к не менее видному московскому деятелю по части поднятия производительности земли, по части тракторов, усовершенствованных сноповязалок. Ах, у англичанина изумительные фотографические снимки английских (не чета нашим, как мы во всем отстаем!) полей, где эти самые тракторы работают потрясающе.

И кому придет в голову, нагнувшись над снимками, выслушав точные, краткие, вразумительные объяснения приезжего из Англии, вдруг поднять голову и пытливо глянуть в глаза — в глаза, что вне желтых гетр, над тракторами, над всяческими снимками — и в глазах, в глазах человека прочесть и...

И — ничего: тракторы работают, на желтых гетрах ни пятнышка.

И московский деятель приветливо жмет руку, где на пальцах желтые пятна, похожие на пролежни.

И шагают, шагают по Москве желтые ботинки, прекрасные английские ботинки.

Шагает — паспорт.

Где человек? — и вот ночью, когда Москва спит, когда никто к земле, домишки окраин и даже дремлет на Страстной Александр Сергеевич, чуть ниже свесив руку с шляпой, ботинки летят в сторону, гетры тоже, бумажник швырнут на ночной столик (доллары ворчат, и фунты), все желтое отшвырнуто, — и в большой темной комнате бьется быстро бьется трепетно такое маленькое, такое крохотное человеческое сердце.

Военная Академия РККА



Второй выпуск Восточного отдела Военной Академии РККА. В центре — председатель Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения, почетный слушатель и лектор Восточного отдела, М. Павлович.

Первые женщины-генштабистки



А. Н. Урванова и Н. О. Булле (слушательницы Восточного отдела), участницы гражданской войны, первые женщины, окончившие Военную Академию.

— Москва... Москва моя...

Будто кто-то под полом молоточком стучит.

И отвечает сердце:

— Москва, Москва моя... Семь лет...

И, отдернув плотную бархатную гардину, человеческий глаз не отрывается от окна, а за окном мокрый асфальт Тверской, подмигивание ночного фонаря и грустное раннее-весеннее ночное московское небо.

О, не спутать его с константинопольским небом, о, не заменить его южным небом Салоник.

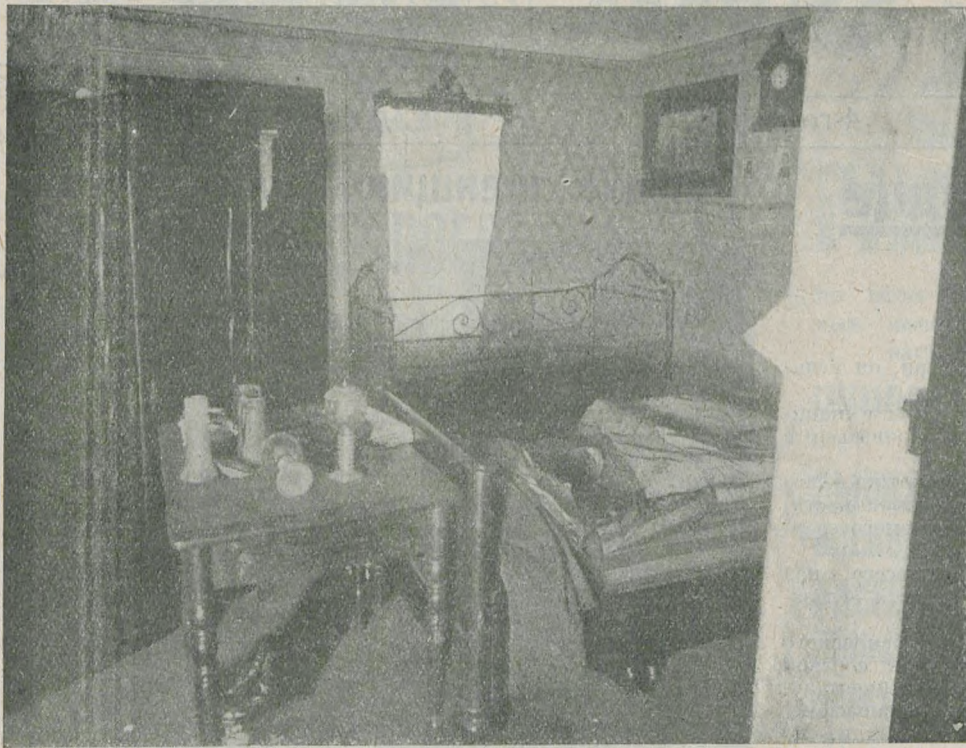
Одно небо, нет другого. Одна Москва — нет другой.

И один паспорт. Только один: от него не избавиться, от него не уйти; он давит тракторами, он поражает великоленно возделанными полями, он множит нити, и каждая нить вяжет Лондон с Парижем, Париж с Варшавой.

И если сразу, в одну ночь, рвануть все нити и все нити порвать — что будет? С кем зашагают желтые ботинки, к кому прильнут твердокаменные доллары, с кем завтра утром, в десять часов утра, на углу Кузнецкого и Петровки обменяется взглядом, быстрым и точным, молодой человек, весь собранный, весь четкий, в безупречно спитой кавалерийской шинели (до пят) с четырьмя ромбами на погоне рукава? — одним взглядом, чтоб потом, на Малом

Пределы германского голода

Press-Photo-News.



В рабочих кварталах больших немецких городов сейчас повторяются картины нашего бывшего поволжского несчастья. Недавно в Берлине покончила с собой, месяцами жившая без работы и хлеба, семья из пяти человек. В занятой этой семьей комнате сняты (на постели) — трупы удавившихся детей.

Козицком, в прокопченной дымом комнатке машинистки из Губторга, из кармана шинели вытащить связку бумаг, свернутых в трубку.

Бывают карманы среднего размера, бывают карманы большие, предназначенные для путешествий, но где, где видано, чтоб в одном кармане, хотя бы даже длинной до пят кавалерийского покроя шинели, могли уместиться дивизии, корпуса, артиллерийские склады?

Могла уместиться Россия?

— Да-да, вся Россия.

О, как протянулась она от моря до моря. Семь, семь лет строилась она, семь лет психодила кровью, слезами, хорошила своих и чужих, плакала женскими, детскими, стариковскими слезами, тряслась по ухабам, неслась по сугробам — и мчались киргизские, бурятские лошадки, пыхтели грузовики, тархтели тачанки, вскидывали винтовки латыши, костромские и ярославские мужички, замкнутые финны, широколицые китайцы, земля трещала по швам, пылали в зареве города, матери искали детей, дети по проселочным дорогам трупиками громоздились — и кусок земли и

куску земли полз, чтоб связаться в одно, чтоб обернуться одной землей.

Встать, восстать одной землей, в одном устремлении.

— Да-да, вся Россия. В одном кармане. Из одного большого кармана вынуть все — и все отдать, распять, растоптать. Стучит, стучит и бьется такое маленькое, такое крохотное человеческое сердце.

— Вся Россия. Да-да.

Кто это сказал: да?

Кто это шепчет: да?

Из кармана потянутся города, села, тысячи живых жизней, — и снова, снова побегут языки огня, снова дымом, копотью, гарью изойдет земля, и опять по русским дорогам поползут танки, тысячеголовые пушки, и снова пронесется от края до края ляг, свист, топот, гиканье...

— Вся... Вся... Да.

Кто это сказал: да?

Кто это шепчет: да?

Цепкие пальцы рванули гардину — все, все отодвинуть в сторону, чтоб еще отчетливее, еще жаднее охватить мокрый асфальт Тверской, бедный ночной московский фонарь, так непохожий на ночные фонари Елисейских полей, и это бедное, это к рассвету печальное ночное московское небо.

Одно небо. Одна Москва.

И один паспорт.

На ночном столике доллары из правого отделения желтого бумажника шепчут фунтам в левом отделении:

— Он невменяем.

— О, эти русские! — саркастически кричат фунты, оправляя белоснежные манжеты, сдувая пыль с лакированных туфель.

И случайно уцелевшая пятисотфранковая бумажка вздымает к потолку бумажника свои бумажные, в водяных знаках руки:

— O, mon Dieu!

И желтые ботинки зарываются в негодовании острыми носками в старый выцветший бухарский ковер.

И гетры в возмущении надуваются, лихорадочно застегиваются на все застегивки, — бежать, бежать из этой проклятой, больной страны, где джентельмены вдруг истерически каются, где джентельмены за-бывают о своем джентельменском долге.

Мокнет Тверская.

Мокнут сейчас от Москвы до Архангельска русские поля — и когда утром запрыгают грачи и по всей земле русской потянутся струйками дымки над избами, над домишками, на углу Кузнецкого моста и Петровки два человека обменяются взглядом быстрым и точным.

Ибо нужна быстрота и точность, ибо тракторы работают превосходно — столь прекрасно, что у московского видного

Н а с о л н ы ш к е...

Фото-этиюд В. П. Мигулина.



Сезон в Крыму начался. На нашем снимке — отдых ребятшек после морского купанья.

деятели душа замирает от восхищения и некогда взглянуть поверх желтых гетр и перчаток в глаза собеседника.

В глаза человека.

Мокнет Тверская.

Быть может, завтра высушит ее молодое весеннее солнце. И, как было десять лет тому назад, зашумит Тверская бодрым весенним шумом.

И, как было десять лет тому назад, звеня, точно молодой подпоручик, только что выпущенный в полк, задорно прим-

чится к Страстной трамвай «А»—и повезет, повезет бульварами, зеленью вымытой точно отполированной, газонами к Каменному мосту, к встрече желанной, к соломенной шляпке с васильками.

И васильки, чудесные русские васильки, только кивнут.

Молча, молча и тихо.

И будет в этом кивке все: и сад, расцветающий черемухой, и нежное «да-нет», и молодость—неизбынная, горячая, парная, и убегающая зеленая межа полей, и скрип

калитки по утрам, когда скрип кажется непередаваемой чудесной песней, и след туфли в слегка влажном песке,—а каждая песчинка—крупинка золота, крупинка золота найденного клада,—и будет в этом кивке счастливый холодок от сознания, что есть жизнь, есть Россия, есть молодость, есть счастье.

И кивнут, кивнут васильки.

И тот—на углу Петровки и Кузнецкого—тоже кивнет.

Тоже молча.

В. И. Ленин в Солдатенковской больнице

Очерк Г. Граева

Отравленные эс-эровские пули, направленные в В. И. Ленина, не сломили его здоровья, как, впрочем, и другие эс-эровские пули не сломили ничего в советском строе.

Две пули эс-ерки Каплан только на некоторое время нарушили здоровье В. И. и вскоре он забыл про эти пули, как позабыла теперь Советская Россия об эс-ерах.

До 1922 г. здоровье В. И. Ленина не внушало никаких опасений, но к апрелю того года у В. И. появились головные боли и бессонница, бывшие началом сложившейся его болезни. Из Берлина был выписан профессор-терапевт Клемнерер, который, осмотрев Владимира Ильича, высказал предположение, что одна из пуль могла явиться причиной головных болей.

Как все, вероятно, помнят, Владимир Ильич был ранен двумя пулями. Одна из них раздробила левую ключевую кость и засела глубоко, а вторая, пробив верхушку левого легкого, засела в правой половине шеи, под кожей, над правым грудиноключичным сочленением.

Берлинский хирург профессор Борхард и наш отечественный хирург профессор Розанов были несколько озадачены таким диагнозом, ибо пуля, засевшая в человеке, обычно обрастает плотной соединительной тканью, которая, окутывая инородное тело, совершенно изолирует его от организма, тем более, что никаких показаний к удалению пули не было и пули совершенно не беспокоили Владимира Ильича.

Профессор Розанов считал операцию не нужной. Проф. Борхард против операции не возражал. Тогда решил вмешаться Владимир Ильич. Прежде всего он, смеясь, потребовал, чтобы к проф. Розанову, как он выразился «не приставали», а потом предложил: «давайте пулю из шеи вынем, хотя она меня и не беспокоит».

Так как операция была несложной, то врачи не возражали и было условлено, что 23/IV (консультация происходила 21/IV) в 12 ч. дня В. И. придет в Солдатенковскую больницу для операции.

22/IV положение пули было еще раз проверено в рентгеновском кабинете Института Биологической Физики.

23/IV Владимир Ильич приехал в больницу. Операция, произведенная под местным обезболиванием проф. Борхардом при ассистенте проф. Розанове, заняла несколько минут. Во время операции В. И. был спокоен и молчал. Когда операция была закончена и сделана перевязка, вынутую пулю показали В. И., он очень оживился, острел и собрался уезжать домой. Но этому воспротивился проф. Борхард, т. к. настаивал, чтобы В. И. остался в больнице. В. И. протестовал. Но ему пришлось сдаться на требования проф. Борхарда и на носилках отправиться во второй этаж, в палату № 44.

Эта маленькая палата на одного человека была в женском отделении, но она была только одна одиночная. И в ней поместили оперированного Владимира Ильича.

Маленькая, угловая комната, отныне

ставшая исторической, была обставлена, как и все больничные палаты—скудно.

Кровать, столик, два стула—вот и вся обстановка. Отсутствовала только традиционная черная доска над кроватью с фамилией и названием болезни больного.

Владимир Ильич подвергся тщательному осмотру главного врача больницы, ныне покойного Вл. Ив. Соколова (терапевта-невропатолога).

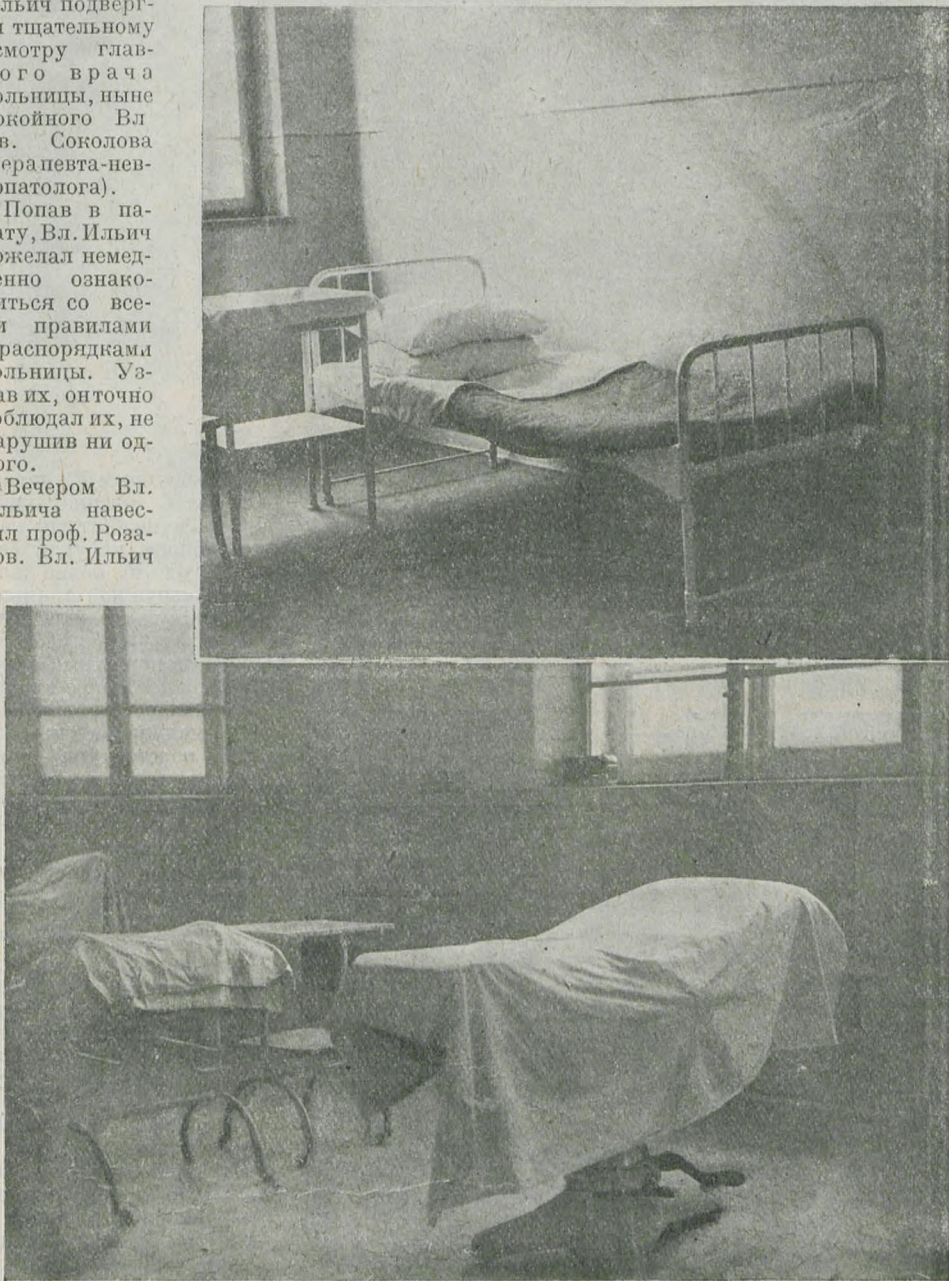
Попав в палату, Вл. Ильич пожелал немедленно ознакомиться со всеми правилами и распорядками больницы. Узнав их, он точно соблюдал их, не нарушив ни одного.

Вечером Вл. Ильича посетил проф. Розанов. Вл. Ильич

На уверения проф. Розанова, заведующего хирургическим отделением б-цы, что это не так, Владимир Ильич, недоверчиво улыбаясь, покачивал головой.

Ночь он проспал хорошо. Утром после

Фот. Ж. Мартова.



Наверху—палата № 44. Внизу—операционная Солдатенковской больницы. На переднем плане—операционный стол, на котором оперировали В. И. Ленина.

чувствовал себя прекрасно. Он стал расспрашивать проф. Розанова о распорядках больницы. Много безобидных шуток со стороны Владимира Ильича вызвала торжественность операции. Потом Вл. Ильич высказал недовольство тем, что своим присутствием он, вероятно, нарушил распорядок жизни больницы.

перевязки В. И. уехал домой.

Палата № 44—отныне гордость Солдатенковской больницы. В ней сейчас лежат тяжелые больные.

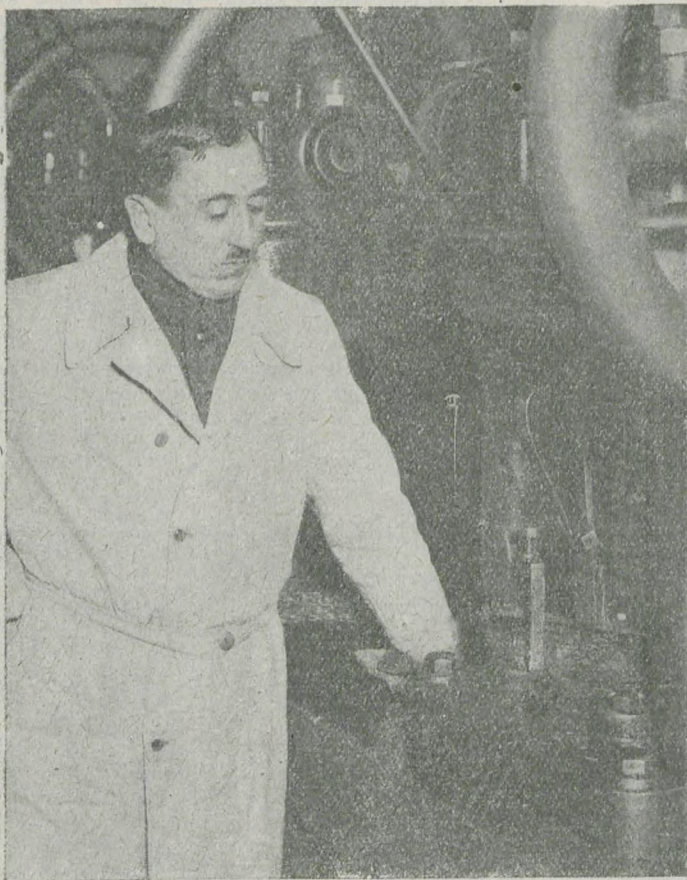
Для палаты № 44 заготовляется мемориальная мраморная доска с надписью о пребывании в ней В. И. Доска будет помещена в палате.

Г. Граев.

Как делается звонкая монета. На ленинградском монетном дворе

Фот. Я. Штейнберга

Ф. Я. Штейнберга.



Станки для прорезки кружков. У станка—пом. нач. ленинградского монетного двора.



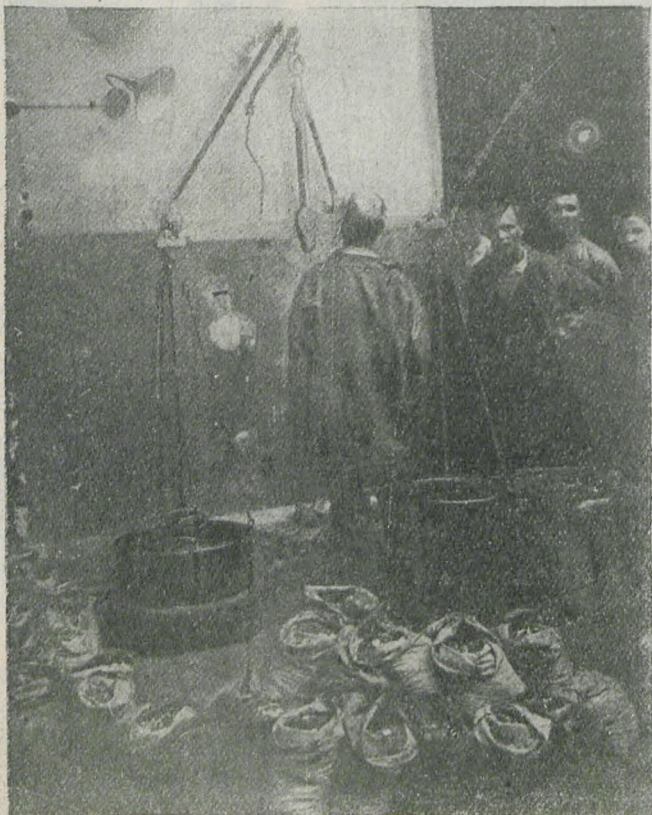
Браковка монеты на движущейся полотняной ленте.

Как молча потом вытащит из кармана (необъятного, необъятного!) сверток бумаг. Твердая трубка, точно дуло револьвера. А если вот, вдруг, в этой прокопченной комнатухе, обернуться и с размаху

по голове, четким, быстрым ударом, ударом по голове, чтоб распласталась кавалерийская шинель и необъятный карман (оттопыривался раньше, набухал полками, дивизиями, корпусами) повис жалкой, ненужной тряпкой?

На ленинградском монетном дворе

Фот. Я. Штейнберга



Взвешивание и рассылка кружков в мешки.

Качнулася бархатная гардина — качнулся человек, качнулось такое маленькое, такое крохотное человеческое сердце.

И надулись, как бульдог, подстегнутый кнутом, фунты в левом отделении бумажника, сквозь зубы плюнули доллары, а сухопарая пятисотфранковая бумажка, поднимая углы, стала в ужасе приседать.

Кто стучит, кто стучит под полом маленьким молоточком? И серые глаза, глаза человека, человека без гетр, без ботинок, без бумажника — еще раз, в последний раз прильнув к Тверской, — скользнули по комнате.

Сперва они на несколько мгновений задержались у зеркала и сквозь пелену дрожащей мути увидели себя.

Зеркало невозмутимо отразило искривленный рот, голую шею в ворота шелковой темной фуфайки — и шея дернулась.

Потом они пусто и глухо прошли мимо золоченой рамы картины, мимо белеющей постели.

И вдруг застыли: у бумажника.

Одно небо, одна Москва. Один паспорт.

Надо припомнить: в десять часов утра на углу Петровки и Кузнецкого моста.

Надо припомнить: дальше — Малый Козицкий, комнатуха, сверток бумаг — цифры, цифры, чертежи, чертежи, донесения, сводки.

Дальше — чемодан с двойным дном, визы, пограничные посты...

Дальше...

— Вас можно поздравить. Вы — молодец, Коростылев. Недаром я всегда расписался за вас. А большевикам-то утрем нос. Номер исключительный. Это такая побе...

Дальше... дальше... О, чорт побери — дальше, что дальше?

И глаза человека замерли над бумажником.

И серые глаза человека стали темнеть. И остановилось биение человеческого сердца, будто его схватил и зажал крепкий железный кулак.

За окном мокла, но уже по немногу светлела Тверская.

От гулко-короткого удара подскочили на своих подошвах желтые ботинки в ужасе, в безмятежности навалились на гетры.

И те, не помня себя от страха, на коленках поползли под кровать, убегая, спасаясь от дыма.

И в дыму потонул бумажник.

И, закрываясь навеки, навсегда, серые глаза уносили с собой память о васьках, о Тверской, о звонком трамвае «А», память об одной Москве, об одном небе, об одной России.

Утром на углу Кузнецкого и Петровки долго волочилась по тротуару длинная кавалерийская шинель.

И ушла вниз — к Театральной площади. И затерялась в толпе.

Андрей Соболев.

Рассказ Даниила Фибиха

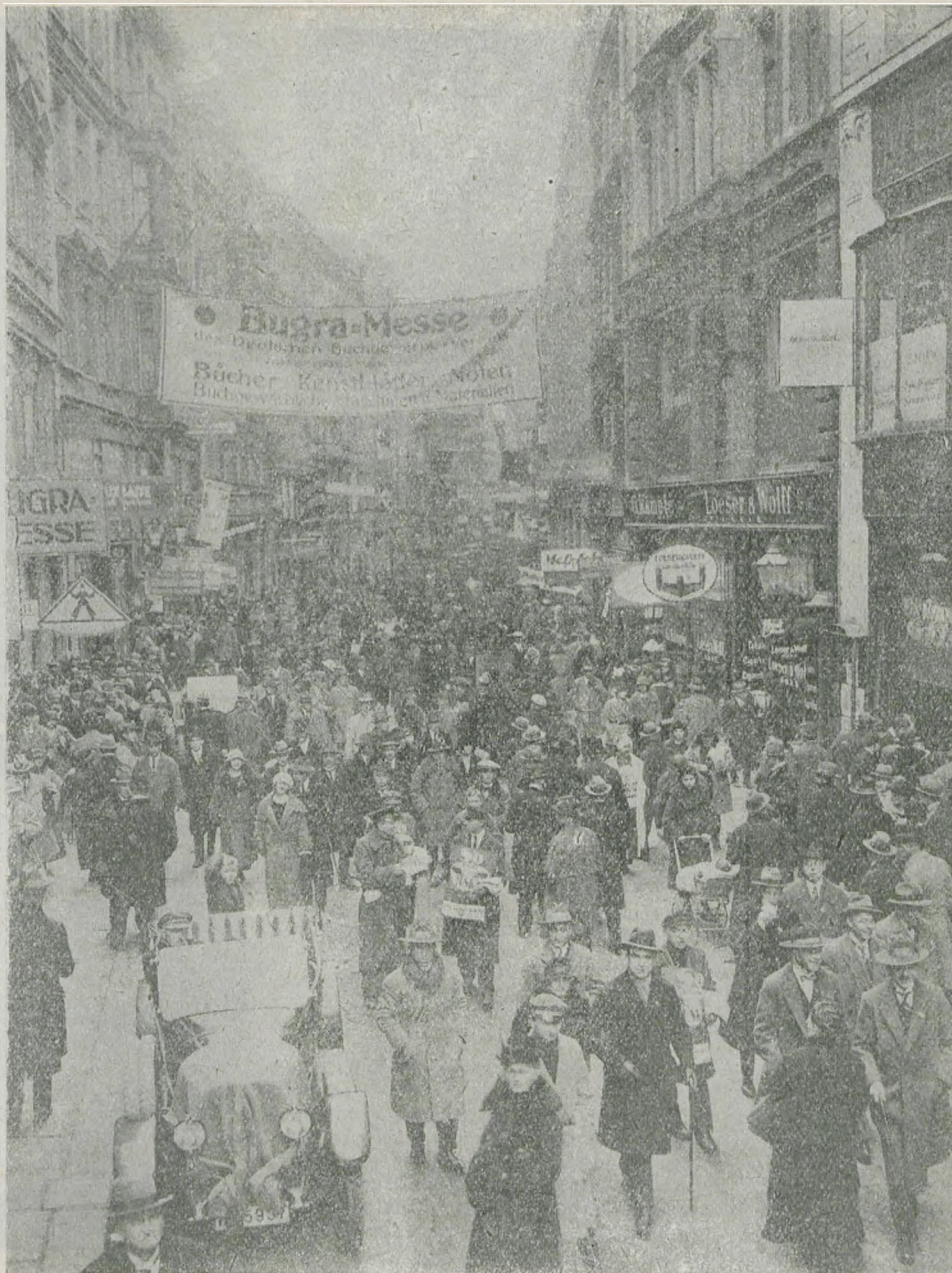
Дом был набит людьми, как трюм невольничьей барки. Дом этот—двухэтажный особняк,—каменел в тихих, кривых, точно персидская сабля, переулках между Арбатом и Пречистенкой, где дребезжит овечий голос татарина «арерё»—это означает «старье берем»,—хрустальной бахромой свисли сосульки над барельефом с пляшущими харитами, мальчишки, звеня, как апрельские воробы, шмыгают коньками по заледенелому тротуару и ковыляют со Смоленского рынка с разбухшей корзиной хозяйка.

До семнадцатого года дом принадлежал Ферапонтову, ювелиру и, как говорили, гайнетвенно понижая голос, ростовщику. Теперь Ферапонтов ютиться наверху, в угловой комнате, где-то кем-то служит, распродает остатки вещей, раза два в день черным призраком проносится по дому. Он похож на старого, облезлого, но еще крепкого волка—сутулый, высокий, с наглыми глазами в красных, безволосых веках. Жена его—сухая и длинная, с серым ромбом вместо лица, копошится у режущего примуса на площадке перед своей дверью, близоруко нагибается к дымящимся кастрюлям и иногда резким, как взвизг гвоздя по стеклу, слышным во всех комнатах голосом кричит о хамах, которые захватили ее дом, разворовали вещи, все загадили и запакостили.

После семнадцатого в национализированный дом густо пошел жилец. Расселился в столовых, залах, прихожей, кабинете, бильярдной, детской, кладовых, комнатах прислуг, отгораживался шкафами, коврами, ситцевыми тряпочками, заваливался корзинами и чемоданами. Печерные боги, наливаясь жаркой алостью, тянули жирафовые шеи в печные отдушины. Дом—как и вся Россия,—был бивуаком, походным станом, теплушкой, заваленной человеческим бараклом, несущейся куда-то.

Шли месяцы и годы—дрогнувшими очередями и хлебными карточками «б», салазками с пайком—с Таганки, трудпониностями: чистить снег. Сжились между собой. Знали, сколько кто получает и что готовится у каждого на обед. Особняком стояли только хозяин, старым, облезлым волком проносящийся по дому, да Федор

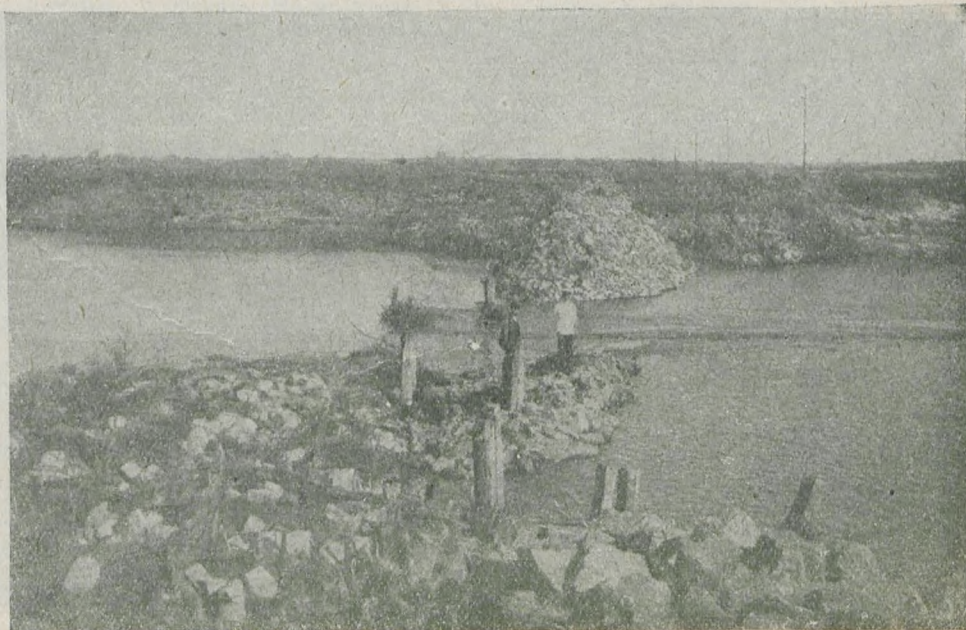
Сергеич, элемент пролетарский, низенький, крепкий, веселый, с охами на круглом носике, универсальный человек. В доме он чинил примусы, проводил грубы, прочищал клозеты, паял сломанные кровати, поправлял водопровод, ванну, кушетки, диваны, кастрюли. Все одинаково охотно и неумело. Иногда напивался и на весь дом пел тогда о ночи, которая была так хороша, о девушке, чайкой грелестной жившей надозером, о тройке и снегепушистом. Остальные были, главным образом, бывшие чиновники, теперь советские



Один из оживленных пунктов Лейпцига—Петерштрассе в полдень.

ВЫПРЯМЛЕНИЕ ДНЕПРА

От киевского корреспондента «Огонька».



Черторойская запруда на Днестре у Киева.

Д. П. Жлоба



Председатель деткомиссии беспризорных детей Кубанско-Черноморской Области ВЦИК Д. П. Жлоба. Первый инициатор по борьбе с беспризорностью на Кубани. Организатор детских домов, колоний и санаторий, в которых открыты им студии: музыкальная, хоровая, драматическая и балета—пластики, а также школы живописи и техники современной науки.

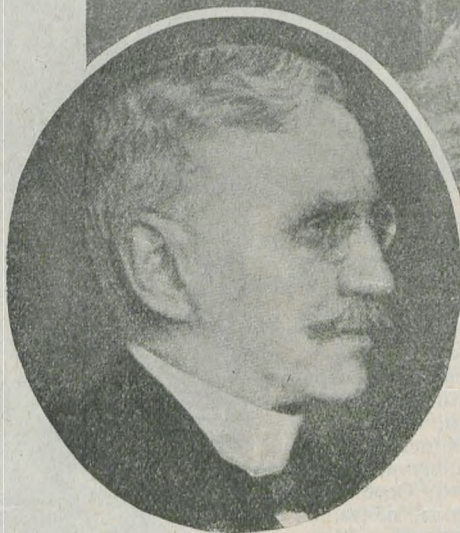


Колониальному могуществу Англии недавно нанесено первое крупное поражение. Египет, в течение десятилетий приравнявшийся к великобританским колониям, управлявшийся послушным Лондону правительством, теперь перестал быть покорным рабом островного королевства.

Долгие годы велась во всем Египте скрытая агитация против иноземного владычества. Деспотическое правительство хедива бросало в тюрьмы, высылало из страны сторонников египетского освобождения во главе с нынешним национальным героем Египта Заглул-пашою. И только мировая война, устремившая внимание и ресурсы англичан на поля военных действий, ослабила принимавшиеся меры предосторожности, облегчив, с другой стороны, агитацию египетских националистов. Довольно уже поздно, в 1919 году, министерство лорда Керзона спохватилось, усилило английские гарнизоны, сместило слабовольное правительство, снова выслало вожаков. Эта мера имела свое действие до последних месяцев, пока постоянные восстания в стране не привели к свержению непопулярного правительства, возвращению Заглул-паша и появлению его у власти.

Новое правительство, знаменующее собой победу национально-буржуазной революции (с оставлением хедива на престоле) повело все же к фактическому прекращению британского протектората над Египтом, где остались только немногочисленные, охраняющие Суэцкий канал, английские войска.

На снимке первое независимое правительство Египта: в середине (с чашкой в руке) премьер-министр и вождь националистов Заглул-паша.



Полпред В. В. Осинский при входе в Министерство Иностранных дел, где им была вручена в присутствии премьер-министра Триггера нота о признании СССР де-юре, а также подписан торговый договор между Швецией и СССР.

служащие, петербургские немцы, знакомые друг с другом по нескольким лет.

Потом очереди, карточки, пайки исчезли. Улицы расцветали новыми вывесками. Жалованье расло. Появилась французская булка — французская булка была пионером. Пещерные боги, недавно алчно рычавшие, сваливались в дровяник и измазанные глиной печники неторопливо складывали в комнатах плиты. По праздникам весь дом, как цветок, струил благоухание сдобного, горячего, сладкого теста и, колыша необъятные мяса свои, закутаные в ткани, Варвара Константиновна, сухенькая, востроносая Анна Григорьевна, Надежда Петровна — все летали

Басмачество в Самаркандской области

Фот. А. Богданова.



Знаменитый Бахрам-бек среди высших представителей Советской власти Самаркандской области.

1—Бахрам-бек. 2—председатель об'исполкома Сергазиев. 3 и 4—председатели Турцка.

с железными листьями, румянящимися пирогами, пирожками, булочками, пышками, из общей кухни к себе и обратно.

В праздники же обычно устраивались вечера внизу, у Шмидтов. Сходились в просторной, в готическом стиле, комнате — прежде была зала — любезно раскланивались, хотя бы и встречались в этот день десятки раз. Надежда Петровна возилась у пылающей плиты — толстая круглая труба от плиты уходила в широкий зев рыцарского камина. Кто-нибудь садился за расхлябанный рояль, бил по старым клавишам, и пузатый Иван Петрович — в свое время под Царицыным три дня дувший от декинцев в валенках, рожью, в июле — надув второй подбородок, сочным басом пел:

За милых женщин,
Преле-а-эстных женщин...

Старики пили чай, жевали сдобные плюшки, говорили о дороговизне, о том, что Зиновьев против Каменева и вообще в партии сильнейший раскол, и что Англия заявила «если с головы патриарха упадет хоть один волос — Петербург будет сметен». Похожий на кролика Карл Эдуардович, вежливо улыбаясь, рассказывал Нине Александровне, как провалилась на общем собрании у них ячейка — «ячейка»: вся состоит из евреев. Нина Александровна — машинистка в управлении — слушала из пятого в десятое, вертела бледной, по обезьяньему подвижной мор-



«Королевская», до сих пор не переименованная улица в Берлине и оживленнейший вокзал под-и-надземной дороги на Александерплац.

Ломброзо проверить. На практике. У Ленина, говорят, ярко выраженный тип каторжника...

Эти незабываемые дни и ночи пламенели диким, полярным, русским холодом. Закат гас желтый, ледяной, как мертвый лоб. Как кровь застыл воздух. Разливалась ночь, еще более жгучая, с высокой луной в оранжевом кольце, похожей на волчий глаз. И днем, и ночью черные, гудящие людские реки, извиваясь на версты, со всех сторон, со всех улиц и площадей струились к дому с колоннами. Двигались тысячи, тысячи, тысячи, шаг за шагом, проходя квартал в несколько часов. И снег хрустел, как склероз.

Федор Сергееч подошел на Моховой к чернеющей толпе—толпа, извиваясь, тянулась вдаль, в морозную темь,—попросил принять его. Человек, закутанный, как самод, прохрипел в седые от стужи усы: — Становись, козь охота.

И Федор Сергееч, попрыгивая, поживаясь, изредка борясь с кем нибудь—для сугрева,—четыре часа черепашим шагом шел к Ленину. Пылали костры, кидая к звездам охапки золотых искр, на багровом зареве металась конная, крича что-то, черные орды, щетинящиеся, как копытами, свернутыми знаменами, глухо визжали

снегом и сплошной, стихийный гуд стоял над ордами. Шла Москва, Россия, мир к багряному гробу.

Востроносая Анна Григорьевна выливалась в кухонную раковину помой, когда ввалился заиндевелый Федор Сергееч.

— Ходили смотреть?—ласково спросила Анна Григорьевна.

Перед Федором Сергеечем еще дрожали колонны, жирно лоснящиеся от света люстры, алое, черное и под зелеными веерами пальм, обтекаемое бесконечной людской рекой, знакомое всему миру, монгольское, восковое, неподвижное лицо. И он буркнул угрюмо:

— Ходил.

— И целовали?—еще ласковой спросила Анна Григорьевна. И тут веселый, добродушный Федор Сергееч почему то вдруг ошметинился, оскалил зубы, крикнул:

— Поцеловал бы, ежели можно было... Это только вам, буржуям, радость!

У Шмидтов, как всегда, шел топ, гром, визг. Лялочка стучала кастаньетами, шевелила бедрами, топала каблучками.

Дамы спорили, сколько яиц надо класть в пирог. Иван Петрович, выкатив напряженно глаза, пел:

За милых женщин...

Даниил Фибих.

дочкой, ревниво следила за Анатолием Ивановичем, который шептался с пухленькой Шурочкой в уголке, за роялью.

Сам Шмидт, Яков Семеныч, наклонив лысый лобастый череп, глядел исподлобья судачьими глазами, кричал заикающимся скрипом Ивану Петровичу:

— Ну-с, не старайся так, Ваня. Тебе вредно... Живот лопнет...

Дамы спорили, какое тесто воздушнее: на постном масле или на русском. Потом начинался топ: молодежь отхватывала уанстеп, рег-тайм, мазурку. Лялочка Шмидт, белесая, толстоногая хохотушка—Кармен Мертвого переулк—не выдерживала, хватала кастаньеты и, притоптывая дюжими ногами, демонстрировала испанскую страсть.

Иногда по корридорам, поднимаясь наверх, к стеклянному просвету, ползла тяжкая вонь. В уборной тогда горело электричество, у наполненной до краев раковины возился универсальный Федор Сергееч, тучная Варвара Константиновна говорила что непременно надо проследить, кто употребляет много в клозете бумаги, на стене появлялось новое объявление правления жилищоварищества о том, что замеченные в неаккуратном обращении с клозетом будут штрафовать, и сверху, свесившись через перила лестницы, визгливо кричала хозяйка, что ее дом загадили, что она сама дочь генерала и найдет управу: у нее всюду связи и знакомства, даже в гешеу.

Хозяин приволил новую комиссию, говорил об антисанитарном состоянии дома, худым, хищным пальцем тыкал на сырую стену, отбитую каменную ступень, закопченный потолок. Комиссия записывала в книжечках, мычала «м-да».

Потом правление—Свидерский, тощий, с добрым обезьяньим лицом, Иван Петрович, Яков Семеныч,—писали какие-то заявления, ходили куда-то, говорили с кем-то и все оставалось по старому.

* * *

Эту новость узнали от дворничихи.

Дворничиха—прямая, сухая, высокая, помнящая дни, когда в этом доме жила не пантрапа, а сам Феррапонтов—сказала спускающемуся по ступеням Карлу Эдуардовичу:

— Умер-то жидовский царь.

— Кто?

— Ленин.

— Кто?—переспросил, моргая глазами и вежливо улыбаясь, Карл Эдуардович.

— Ленин помер. Вчера дочь у меня в театр ходила—так там объявили. На две недели никаких театров не будет.

Карл Эдуардович еще поморгал растерянно, шагнул вперед, остановился, подумал, повернул обратно и с необычайной для него резвостью вбежал на ступени. Через пять минут знал весь дом. Собрались в зале с лепными—под рококо—завитушками на карнизах, на потолке—обитали там пятеро лысых холостяков. Говорили почему-то вполголоса.

— А еще недавно писали, что поправляется.

— Прямо не верится...

— Ка-как не во время умер,—проскрипел, жалостливо качая лобастой головой, Яков Семеныч:—а-а тут еще дискуссия эта... Не во время умер...

— Конечно, только Лениным они и держались...

— Теперь уж им коне-ец...

В дверь стукнули, спросили «можно», просунулся круглый носик и очки Федора Сергееча. Федор Сергееч сунул всем прямую, шершавую ладонь, бодро—как всегда—спросил, кто пойдет с ним смотреть Ленина.

— А разве будут показывать?

— Как-же. В дом союзов перевезли. Народу-у!...

Свидерский сказал:

— Соблюдают традицию. Всех умерших царей показывают народу.

— Ну, любителей, верно, будет немного.

— Нет,—сказал Иван Петрович:— я первый, Карл Эдуардович, пойду.

— Охота?

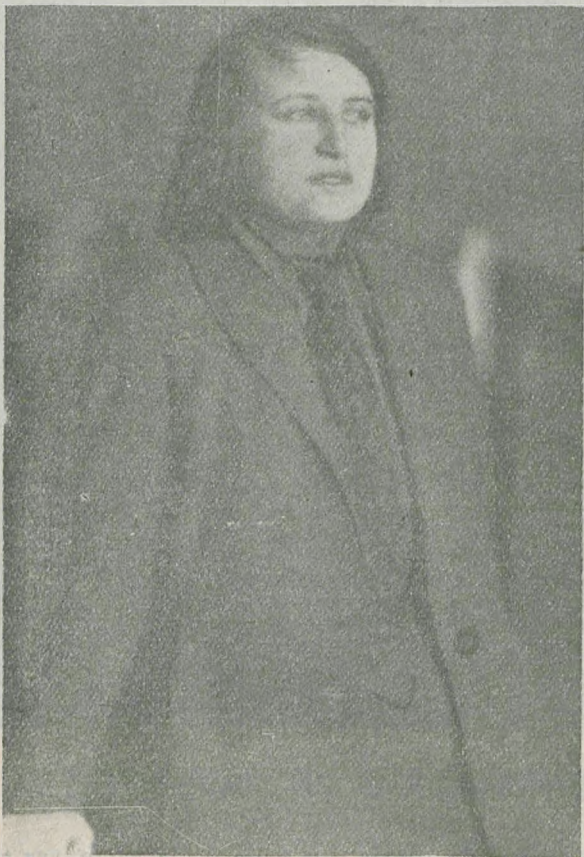
— Из лобознательности,—Иван Петрович поправил тугой галстук:—теорию



Группа студентов и студенток коммунистического университета трудящихся Востока.

Коммунистический университет трудящихся Востока

Статья ректора университета С. Диманштейна.



Одна из студенток, окончивающая университет. Турчанова — одна из лучших ораторов университета.

т. п. При университете имеется специальный институт научных сотрудников с иностранным отделом, где готовятся более квалифицированные работники для преподавания как в самом университете, так и вне его.

Особенное внимание уделяется работе и занятиям среди студенток востока, их имеется около 160 человек, самых различных национальностей. Имеются специальные ясли для их детей, которые довольно хорошо содержатся. Есть и очаг, работает специальная комиссия по охране материнства и младенчества, которой организовывается дом матери и ребенка. Женщины-студентке дается полная возможность заниматься, не обременяясь другими заботами. Из них выйдут образованные работницы среди женщин.

Образцово поставлено в КУТВ коммунальная жизнь студентов, где больше 1000 человек 62-х национальностей и языков находятся в условиях общежития при отсутствии национальных трений, воспитываясь в интернациональном духе на своей ежедневной практике, живя и питаясь вместе, проводя за усиленной учебной на всевозможных языках дни и ночи. Большая воспитательная ра-



Студент перс — поэт и писатель.

бота производится ком'ячейкой, входящей своим участием во все отрасли работы университета. Имеется больше 500 членов партии и столько же комсомольцев, безпартийных всего около 10% и те обычно

Коммунистический университет трудящихся Востока им. В. И. Сталина существует три года, он представляет собой совершенно исключительную картину по пестроте национальностей прибывших почти со всех частей земного шара, особенно богато представлена Азия и Африка. Всего имеется учеников 62 национальностей, составляющих в общем количестве около 1100 человек. КУТВ является фактически университетом с высшими общественными науками. Ученики в течение учебных лет совершенно перевоспитываются в политическом отношении, вырабатывая себе широкий кругозор, общественную жилку и коммунистическое воспитание.

КУТВ имеет подготовительный курс для более отсталых учеников. Обычный курс трехгодичный. Кроме того имеется специальный педагогический факультет для подготовки преподавателей учебных заведений восточных народов. Университет снабжен и вспомогательными учреждениями, хорошими учебными кабинетами, библиотекой с книгами на восточных языках и



Группа недавно поступивших в университет студентов.



В общедining.

постепенно за время своего пребывания в университете вступают в партию.

Неудурно обстоит дело с клубной работой, где существуют самые разнообразные кружки: производственные, тракторные, изучения Востока, журнальные

не Страстного монастыря национальные костюмы некоторых учеников (тубейки и т. п.) принимают особенную окраску, как то особенно отягчения тот новый мир, который вырастает

качества каждого ученика, выявляя свои склонности.

Характерно отметить, что среди 10 домов, обслуживающих КУТВ, находится и Страстной монастырь, на Страстной площади, где происходят занятия и так же помещаются учреждения КУТВ по охране здоровья студентов. На фоне Страстного монастыря национальные костюмы некоторых учеников (тубейки и т. п.) принимают особенную окраску, как то особенно отягчения тот новый мир, который вырастает



В классе.



Группа студентов—турок

из недр старого. За три года работы коммунистический университет трудящихся Востока стал очень популярен среди народов Востока. Он создает работников для Туркестана, Кавказа, Сибирской Монголии, Киргизии, Бухары, Хивы и других запредельных стран. Мы уже имеем видных работников, вышедших из стен коммунистического университета трудящихся Востока.

Трудящиеся Востока имеют в Москве не только свою опору, но и большой культурный очаг, который со временем осветит ту тьму, которую создал империалистический мир.

Во время празднования трехлетия существования коммунистического университета трудящихся Востока будет и выставка, отражающая всю работу университета и его достижения.

С. Диманштейн.

стики (соответственно для кооперации), кабинет восточных мате-



Староста.

риалов и т. п. Клуб является настоящей лабораторией, где вырабатываются и проявляются отдельные



Студентки—корепинки.



Борьба за новый быт

От одесского корреспондента «Огонька».

Идея эта зародилась в октябре прошлого года в ячейке «Джутовой».

«Мы должны ныне освободить работницу от гнета домашнего хозяйства» — сказала на докладе собранию работниц «Джутовой» работница Дроздик.

— «На нашей обязанности лежит преобразовать быт. Мы организуем в Одессе Дом-Коммуну «Новый быт». При этом доме будет прачешная, столовая, клуб. Придя с работы, работница застанет дома чистое белье, вкусный обед, теплую комнату, ванну».

А теперь уже в этом Доме-Коммуне живут 125 человек — все члены союза текстильщиков. Большинство работницы. Текстильное производство в Одессе представлено, главным образом, работницами.

Кто больше их страдает от старых форм домашнего быта?

Мужчин в Доме-Коммуне 35, женщин 65, детей 25.

Членов партии — 25, РКСМ — 15, рабочих от станка — 51, парт-и-проф-работников — 7, служащих — 8, семейств не работающих — 17, одиночек — 24.

Это подлинно рабочий Дом-Коммуна.

Только в нем находит рабочая столь необходимый отдых от порой изнуряющего ее труда.

Работница все острее и ярче чувствует в своей повседневной жизни, как старые формы быта сковывают новые силы и тормозят культурно-воспитательную работу.

Может ли попасть работница в клуб, если она после

работы, голодная, усталая, пропитанная пылью — бежит домой, и снова 5—6 часов должна, как каторжница, работать над

Дом-Коммуны — единственный путь коренного преобразования быта.

В Доме-Коммуны — вы впервые увидите реальную борьбу со старыми формами домашнего быта!

С утра до ночи общая столовая к услугам жильцов дома. Можно брать и на квартиру, можно обедать в столовой. Кипяток весь день. По вечерам — в столовой весело.

За 13 червонных рублей — член коммуны имеет полный стол.

Коммунальные услуги, свет, вода — оплачиваются по нисшей ставке.

Общая прачешная, общая кухня, прекрасный клуб, открытый в день 8 марта — делает Дом-Коммуну комфортабельным жилищем работницы.

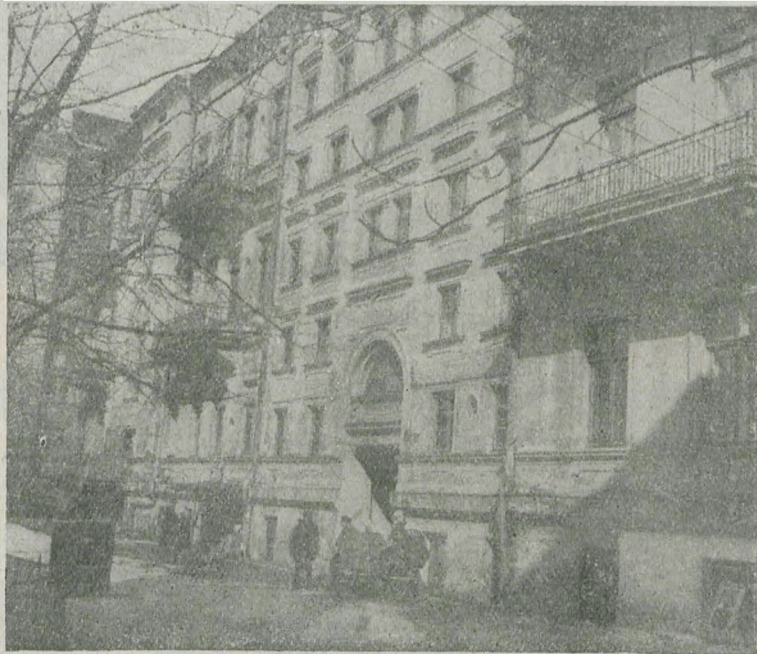
119 комнат Дома-Коммуны совершенно лишены признаков «домашнего хозяйства». Нет чада плиты или румынки, нет стирки белья, нет атрибутов домашнего мещанства.

Дом-Коммуна текстильщиков оправдывает свое название:

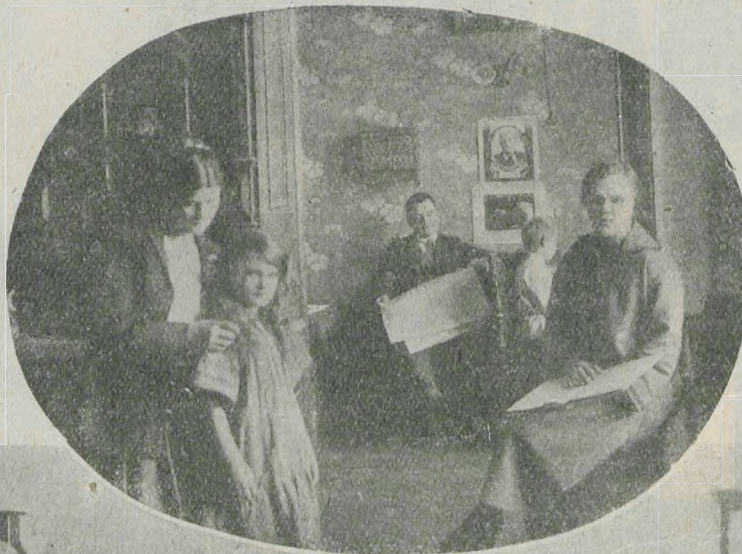
«Новый быт».

Он еще один в Одессе. Но он уже привлекает внимание всех других союзов и не далеко то время, когда все трудящиеся Одессы, объединяясь между собой, заживут дружными семьями в трудовых Домах-Коммунах.

Д. Маллори.



Один из флигелей Дома-Коммуны по ул. Хмельницкого, № 46.



Общая столовая.



Общая кухня.

Воскресный день

Бойцы карандаша

Статья Эм. Миндлина

Карриатура—как самостоятельное оружие в политической борьбе! Более того: карриатура, как памфлет. Карриатура—как форма публицистики. От вспомога-



Денин. (В. Н. Денисов)

тельного сатирико-иллюстративного значения от подсобничества тексту—до самостоятельного значения! До полной независимости от текста. До значения самостоятельного политического орудия. До роли проповеди с кафедры.

С высоты 1924 года именно таким видится путь искусства советских карриатуристов.

II.

Плакаты Дени для Красной армии—не меньше, чем танки для армии Пуанкара. Вместе с плакатами Моора, они действительно сыграли историческую роль в девятнадцатом году, в юденинско-колчаковские дни.

Искусство Дени—искусство «убедительного» плаката. Дени прежде всего опрощает свою работу. Сжимает до максимума тему и концентрирует ее в одной точке. Он преднамеренно не дает в своих плакатах движения. Не разбивает плаката на участки, чтобы не рассеивать внимания. В плакатах Дени почти всегда только один момент. Только одна картина.

Дени искоренил плакатный «символизм». Символическая передача лозунга, или темы усложняет доступность плаката. Если нет доступности, нет «убедительности». Поэтому контр-революция будет уже изображаться не францитуковской таинственной гидрой, но если она—Колчак, то—Колчаком, если она—Деникин, то—Деникиным, если—эс-эровское восстание, то—этаким богоспасаемой физиономией на иконе с лирической шевелюрой и испаньолой, с надписью на золотом венчике вокруг головы, но такой надписью, что не разберешь:

то-ли:
С.-Р. Чернов,
то-ли:
СВ. Чернов.

Свой политический плакат Дени строит на портретном сходстве. Дени не обезображивает портретируемого. Его карриатура построена не на высмеивании внешних черт, не на портретном членовредительстве, но на «иронической характеристике». Ведь, наибольшее число работ Дени—портреты. Любой плакат—его приобретает значение памфлета. Политические характеристики Дени в смысле изобра-

тельности всегда неожиданны.
Ллойд-Джордж—старая дева в чепце.
Подпись:

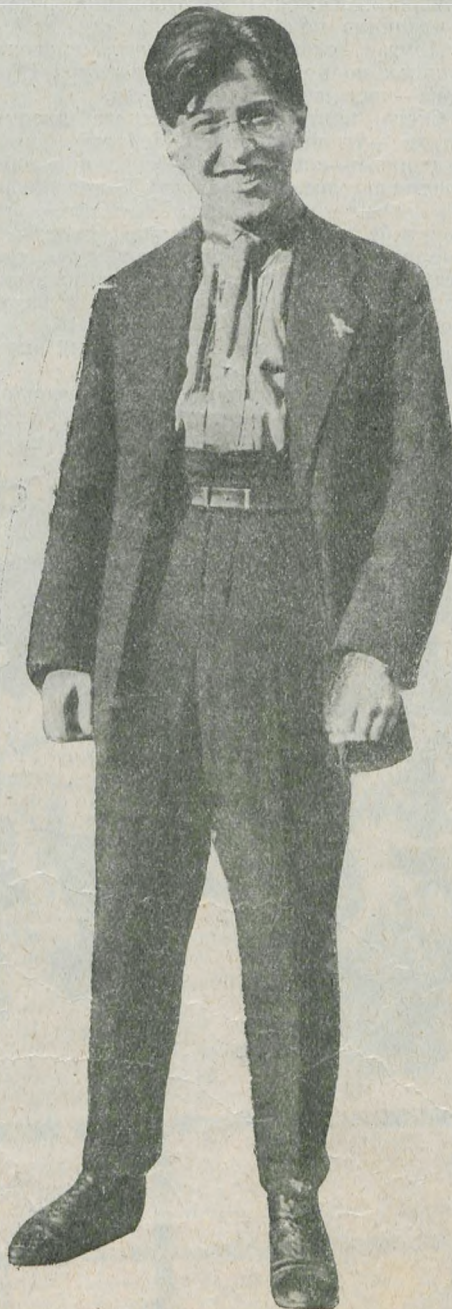
Сердце красавицы
Склонно к измене
И перемене,
Как ветерок полей!..

Бухарин — озорный петушок на колокольне «Правды».

Виктор Чернов—в виде лихача, прокатывающего эмиграцию и Феша.

Пуанкаре-Война—в виде чемпиона французской борьбы. Воинственно озирается.

Бурцев—в виде просящего очередную милостыню нищего.



Бор. Ефимов.

И т. д., и т. д., и т. д...

Плакаты — карриатуры Дени—злы. Но вместе с тем в них нет озлобления. Оно заменено иронией, что при высокой изобразительности и мастерстве делает Дени крупнейшим мастером плаката.

III.

Крупным явлением совершенно иного порядка представляется изобретательный в области карриатурной темы, но не



Д. Моор (Д. С. Орлов).

оттолкнувшийся от композиционных методов и приемов—Моор.

Карриатура Моора — всегда сложная картина. Очень часто он разбивает ее на отдельные участки. Всегда требует от зрителя последовательного созерцания.

Если Дени сам набрасывается на зрителя, не дает ему опомниться, восхищает его своей доступностью, то Моор—напротив—интригует зрителя, заинтересовывает его сложностью, многомоментностью своей картины. Заставляет его добровольно вовлекаться в рассматривание карриатуры.

Когда Дени—пронизывает, улыбается, Моор раскатиисто, зловеще хохочет.

Моор создает не памфлет-монографию, но сложную многокартинную сатиру, не считаясь ни с единством действия, ни с единством места, ни с минимальностью коли-



К. Ротов.

чества действующих лиц, т.-е. с тем, что прежде всего характеризует сжатого и конкретного Дени.

Моор не боится рассеивать внимания зрителя, не скупится на изобразительные средства. Он богат ими. Его искусство дышит высоким пафосом. Ему свойственна мрачная пышность рисунка. Если—хотите—в своем роде Микель-Анджело от каррикатуры.

У Моора зритель останавливается перед необычайной щедростью художника, перед блистательной демонстрацией его технического богатства.

IV.

Сжатость Дени и сложность Моора своеобразно преломляются сквозь призму таланта Бориса Ефимова.

С Дени Бориса Ефимова роднит явленная склонность к единству темы.

Он так же, как и Дени, блюдет экономию пространства.

Однако, реалистичность Дени обязывает его к строгой привязанности действия к одному месту. Поэтому, карриатура Дени—статична. Дать многомоментное действие—движение, сохранив при этом единство, Дени, очевидно, не может.

Не может этого и Моор. Правда, движение он дает. Развертывает последовательность действия, но делает это посредством разбивки пространства на ряд участков, посредством многокартинности, посредством децентрализации художественной темы.

От той и от другой крайности избавляет себя Борис Ефимов. Карриатура Ефимова легко, изящно и убедительно передает движение, и вместе с тем он не стесняет себя какими бы то ни было обязательствами по отношению к «месту».

Если истинная конструкция—простота, то Ефимов конструктивен более, чем кто либо. Он характеризуется доведенной до предела простотой, экономностью и вместе с тем движением в рисунке.

Например,—Ефимов изображает опереточный «уход» Пуанкарэ и его «механическое» возвращение на прежнее место.

Здесь необходим максимум движения. Здесь—действие. Моор поступил бы так:—разбил бы карриатуру на ряд картин, расположенных в известной последовательности.

Дени, безусловно, остановился бы только на каком-нибудь одном из моментов. Он взял бы или момент ухода Пуанкарэ, или момент его возвращения.

Ефимов идет своим путем. Данную задачу он разрешает чрезвычайно просто:



Сотрудники журнала «Красный Перец». Слева направо: Ю. А. Ганф, Л. В. Савенский, И. Л. Сван, (Кремлев), Бор. Волин, Л. Межеричер, (Л. М.), Б. Г. Самсонов, худ. К. С. Елисеев (стоит), В. Я. Типот.

на первом плане кресло премьера. Влево—спина и прочее «слетающего» Пуанкарэ. Премьер летит над креслом. Описывает в воздухе ряд мертвых петель и—в итоге довольная, снова упдающая в то же кресло фигура Пуанкарэ. Подпись: «новости физкультуры». Но подпись здесь излишня. Все ясно и так. Экономия средств—подлинно конструктивна.

Другая, одна из последних, исключительная по мастерству карриатура Ефимова—посвящена Макдональду.

Слева—контуры королевского дворца. Справа—уголок фабрики. Между фабрикой и дворцом—следы человеческих ног определяют зигзагообразный путь Макдональда. На переднем плане он сам. Его лицо здесь поистине трагично. Это уже более, чем карриатура. Он утирает пот и вы чувствуете, что, действительно, нелегко этому человеку совершать свою «правильную» кривую.

Эта карриатура—блистательный памфлет.

Карриатурист из простого рисовальщика преобразовывается в безжалостного художественного публициста:—то, о чем

говорят все последние работы Бориса Ефимова. Самого своеобразного, самого находчивого, и кажется—самого молодого. То, о чем свидетельствуют и бесчисленные перепечатки ефимовских каррикатур, как и рисунков Дени, во всей мировой прессе.

Дени. Моор. Ефимов.

Три кита, три направления советской каррикатуры. Представители трех ее технических методов.

Дени и Ефимов избирают путь, главным образом, политической каррикатуры. Моор в последнее время специализируется на анти-религиозной, в которой является интересным пионером.

Но искусство советской каррикатуры не было бы полно, если бы не вмещало в себя еще одной области каррикатуры быта.—Область «Красного Перца», «Крокодила», «Дрезины», «Занозы», «Смехача». Область всегда находчивого, всегда богатого «тематиста» Межеричера (Л. М.), область недавно выдвинувшегося талантливого Константина Ротова, таких крупных, ярких мастеров из «старых», как Радаков и Антоновский, стоящих и ныне в первых—дах советской каррикатуры и других, а Милотина, Черемных, Ганфа, Минар, Елисеева, Мельникова—армии карандашных бойцов, высоко держащих знамя... революционного воинствующего карандаша...

Эм. Миндлин.

Обряд русской народной свадьбы

Фот. бр. Булла.



Рассказ С. Гехта

Хуже нет караульной службы! В холодную ночь, когда страхи ходят, ноги стыннут и спать хочется — похаживай и жди расвета. Незавидная это доля.

Я голодал уже два года. В городе никто ничего не делал и работы не было никакой. Я был вынужден покинуть его и наняться караульщиком к болгарину-огороднику. Весна в этом году была ранняя, в марте земля распухла зеленью. Уже по косым участкам тянулись бороны, из-под оттаявшей земли пробивалась молодая щавель.

От окраин до лимана залегли песчаные холмы. Они топорщились буграми, их темная поверхность походила на кожу прокаженного. По склонам этих холмов расположились хутора, когда-то гремевшие довольством. Невиданная засуха сожгла их урожай и сделала их нищими.

Жители воровали друг у друга лошадиные потроха, требуху считали роскошью, выклиничивали у болгар макуху, ловили кошек и собак.

Многие из них перекочевали в сытую Подолию, другие просились к болгарам в батраки. Но те брали их неохотно, предпочитая дальних. Наш огород огорожен не был. Неудивительно, что с появлением весны возникла щавельная опасность.

Вечера были холодные. Закутываясь в полушубок и перекинув через плечо винтовку, я выходил на вал, примыкавший к огородам, и усаживался под акацией. Посижу немного, отсчитаю нараспев три тысячи шестьсот секунд и поплечусь вязнуть в рыхлых бороздах, потом снова назад и опять за счет.

Под валом текли зловонные ручейки, город перекачивал к нам свою нечисть по трубам, она спускалась по деревянным желобам, жирно унавоживая грядки. Корчась от холода и морщась от вони, я коротал мучительное время, ожидая блаженного рассвета. Услыхав шорох, я вскакивал в тревоге, но всегда попадался мне либо еж, пыхтевший как паровоз, либо случайный заяц, торопливо глодавший кислую зелень.

Впрочем, винтовки были у нас, частных караульчиков, аховые и носили мы их только для важности. Дуло обыкновенно было заткнуто шомполом, а для того чтобы открыть ржавый и прелый затвор, надо было долго колотить по нем каблуком сапога.

Участок, остергаемый мною, тянулся на двенадцать десятин. Время от времени приходилось его обходить, спотыкаясь о грядки, путаясь в межах и увязая в бороздах.

В одну из таких ночей, когда луна совсем не появляется на небе и нельзя отличить пня от человека, сидел я по обыкновению на каменной глыбе под сухой и голой акацией. Всю ночь меня сбивали с толку ежи, мои уши гудели болью. С дежурной тоской поглядывая на звезды, я пытался узнать по ним который час? Еще петухов не слышно, петухи начинают сизжать в два часа ночи, задолго до рассвета. Значит, нет еще двух, значит, вся ночь еще впереди — о тоска!

Одинокому любо думать о женщине. В холодную ночь, когда стыннут ноги и страхи ходят вокруг, хочется тишей ласки, сердце скатывается галушкой, в горле застревает песня. Кстати, для меня все песни одинаковы. В Бессарабии я слышал «Дойну», в Мемеле — «Ольде мари» и Можайске — «Златые горы» — все они казались мне перепелом, раненым на суку; берегой, сгорающей в пламени; стаканом, брошенным о земь.

В эту ночь я думал о Лиде, Лидии Полесской, случайной девушке, которую я встретил в городе Киеве, на Лютеранской улице, утыканной плоскими и глазастыми небоскребами. Меня познакомил с нею ее отец, седовласый приват-доцент, знавший меня студентом. Наши всегдашние встречи



Ю. П. Слонимская, исполнительница заглавной роли в кино-пьесе Алексея Толстого «Аэлита».

были скучны и нелепы. Я целовал руку и гремел каблуками. Она кашляла и улыбалась.

Я думал тогда о ней с молодым задором, с хвастовством безусого скептика. Помню, я говорил тогда приятелю:

— Понимаешь, она некрасива. Она не отвечает требованиям красоты на все сто процентов. Ноги толстые, руки длинные, глазами косит, голос хриплый...

— Но?

— Но неотразима. Понимаешь — неотразима!

Потом я понял, что этим «но» была величавая ласка, пронизывавшая ее глаза, неопиcуемая ласка, от которой сердце сворачивалось галушкой.

Каждый человек бывает однажды в фокусе. Фокусом моей молодой жизни был жестокий, пыльный, июльский день. Горькой лютеранская улица убегала от нас кирпичными зданиями и фруктовыми садами. Я был одет, как экстерн, она была накрашена, как трагическая актриса. Торговки подсолнухом тыкали в нас пальцами — торговки не любят капризных мезальянсов. В тот день я вспомнил слова восточной песни. Любовь, — говорит она, — идет странными путями, путями стихии.

Она подобна козуле, прыгающей по откосам; дельфину, шагающему через собственную голову. Тот день запечатал благоуханным клеймом все дыры в моей душе, я не забуду его никогда, потому что согласием совершенства оглушил меня тогда бешеный аромат июля.

В эту глухую мартовскую ночь я думал о Лидии Полесской. Я выписывал шомполом ее имя на пашне и твердил его без конца, как сладкий урок.

Но часы уходят, а петухи не поют — ба, легки на помине! На хуторе прокричал первый петух, ему с быстротой стихии ответили все остальные и петушиным визгом ночь была перерезана пополам.

— Ну, теперь дело идет к концу, — сказал я, вздохнул и насторожился. Явственно слышались легкие человеческие шаги.

Я начал пытливо вглядываться в темень. Ничего разобрать не мог. Я двинулся вперед. Шаги затихли. Я остановился и услышал стук падающего тела.

— Чорт! — прошептал я, покрываясь потом.

Я не сомневался в том, что кто-то спрятался под валом. Задержав дыхание и

„Аэлита“ в кино

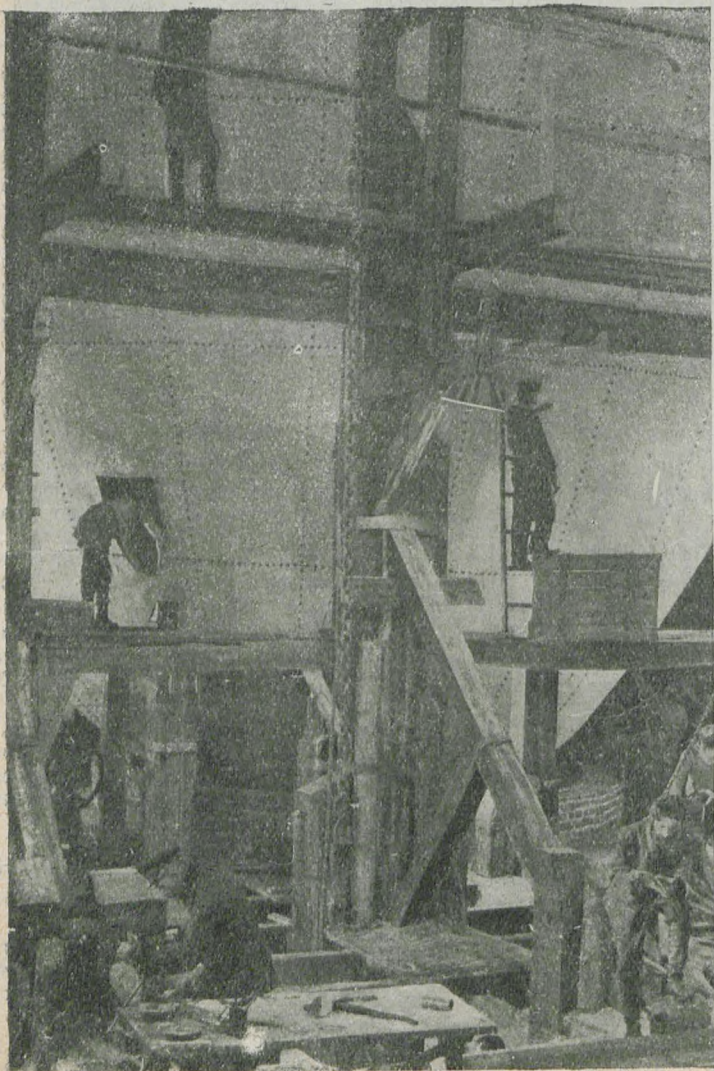


Инженер Лось—Н. М. Церетелли и Наташа—В. Е. Кузиджи.

напрягаясь до боли, чтобы казаться спокойным, я крикнул:
— Кто там?

Ответом мне была звенящая тишина. Я крикнул снова:

„Аэлита“ в кино



Аппарат, изобретенный для полетов на Марс.

повязкой. Я протянул руку и не увидел собственной руки — последнее дело. Вдруг я услышал мелкий кашель. Я закачался.

— Чорт знает что такое!

Медленно и бесшумно я стал пробираться к перекрестному валу, стараясь не помять молодого щавеля. На повороте я пошатнулся и вздрогнул. Кто-то схватил меня за ногу. Я рванулся назад, но чья-то рука потянула меня к себе и я, растянувшись, лег ничком на склоне канавы.

Падая, я цепко держал винтовку. Ее холодная сталь сладко успокаивала меня. Я ожидал удара, возни, ничего не понимая в происходящем. Но этого не последовало.

Я вскочил и кинулся бежать вперед. Вор убежал, спотыкаясь и падая. Это место было ему мало знакомо. Я кинулся по прямой линии за ним, он еще больше ускорил бег.

Его шаги отдалялись, расстояние между нами становилось длиннее. Я схватил затвор, попробовал повернуть — безнадежно. Я стукнул сапогом — ни с места. Затвор был испорчен.

Винтовку я держал все время на прицеле. Машинально я ухватился за курок и ахнул. Острый огонь брызнул в глаза, полый звук грохнул о темень. Винтовка неожиданно выстрелила. Запахло тяжелой гарью — выстрел чуть не разорвал ствол.

В ту же минуту я услышал легкий, нежный, женский стон. Я побежал туда. Должно быть мгла рассеивалась понемногу, так как я ясно видел перед собой женщину, немолодую, тяжелую, толстую. Пуля задела ее плечо. Она упала на грядку и кровавая лента зигзагом оросила щавель. На ней было платье, шитое из мешка и

„Аэлита“ в кино



Сыщик Кравцов—И. В. Ильинский.

— Кто тут, отвечай!

Могилы. Густая тьма легла на глаза

вязаная косынка пепельного цвета. По всем признакам — воровка.

Она тихо стонала. Я пронзительно свистнул. Ответа не последовало. Я свист-

нул еще раз. На хуторе ответили мне троекратным сигналом. Это означало, что старик-болгарин одевается и спешит на встречу.

Я склонился над женщиной. Она делала губами какие-то движения.

— Лидия Полесская, — сказала она медленным голосом.

Я отшатнулся, ошеломленный. Моему изумлению не было предела.

— Лидия Полесская, Лидя, — повторила женщина и взглянула на меня в упор.

— Ты ее знаешь? — спросил я, дрожа.

— Да, — ответила она, не отворачивая глаз.

— Где ты... где вы видели ее?

Она молчала. Два длинных свистка и один короткий пронзили воздух. Болгарин не находил пути. Я ответил одним отрывистым. Женщина еще больше открыла глаза и прошептала.

— Она просила передать тебе...

Внезапная боль исказила ее лицо. Она сложила его в мелкие морщины и закрыла глаза. Но мне казалось, что она видит меня и закрытыми глазами.

Я объяснил болгарину в чем дело мы взвалили женщину на плечи и понесли в хату. Ее тяжелая голова лежала на моем левом плече. Ее кровь испачкала мне щеку.

— Как вас зовут? — спросил я.

Она молчала.

— Вы говорите неправду, — сказал я мягко, — где вы видели ее?

Она открыла глаза, прищурила их и еле протянула.

— Лидя просила передать тебе... А-ах! А-а!

Она резко взвизгнула. Боль подтачивала ее сознание. Я слушал, улыбаясь и не веря. Думать не хотелось, да я и не мог. Мысли

не вошли, коснувшись слегка. Хозяин мой, хлопотавший вокруг нее все же глядел на нее с нескрываемым презрением.

— Чужое добро в прок не пойдет, — шептал он, — воровка!

— Она не может быть воровкой! — остановил я его, — эта женщина не воровка! Я уверен, что она вовсе не воровка.

Когда она уснула, мы отправились в поле посмотреть. Борозды были и исковерканы, грядки истоптаны и щавель был выщипан в огромном количестве.

У канализационной канавы стоял мешок, туго набитый зеленью.

— Ну-с, — сказал болгарин.

Я был раздавлен. Эта женщина — воровка. Но откуда... боже

кравей в чужим пристает тоже (молодчик нашелся).

— Но откуда вы узнали, что Лидия

„Женская амнистия“



Представитель милиции читает декрет ВЦИК о досрочном освобождении женщин — работниц из Ново-Спасского лагеря.



Полесская... вообще... что Лидя

— Но ты ведь сам ходил, как дурак, по полю и как молитву читал: Лидия Полесская, да Лидия Полесская, тьфу, слушать тошно было. Вспоминать противно.

— Значит, вы этим покупали мою милость, да?

— А ты как думал?

Я выбежал из палаты пунцовый, как закат.

С. Гехт.

Освобожденные по амнистии ВЦИК-а работницы слушают чтение освобождающего их декрета.

мой, откуда она знает Лидию Полесскую?

Мы вернулись в хату и я продежурил у постели раненой остаток ночи.

2.

Я ходил к ней в больницу ежедневно. Но всегда мне мешали врачи и сиделки. Глазами я просил ее рассказать, она притворялась непонимающей и была нема, как рыба. И только через две недели я застал ее, наконец, одну.

— Расскажите мне о Лиде, — сказал я шопотом и покраснел.

Женщина улыбнулась.

— Я прошу вас. Я умоляю. Вы обязаны.

— Да не знаю я твоей Лиды, — ответила она вдруг, — и чего ты пристал, как банный лист?

— Вы лжете! — вскричал я, — ты лжешь дура!

— Знать не знаю и знать не желаю, — ответила женщина озлобленно, — со своей

ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

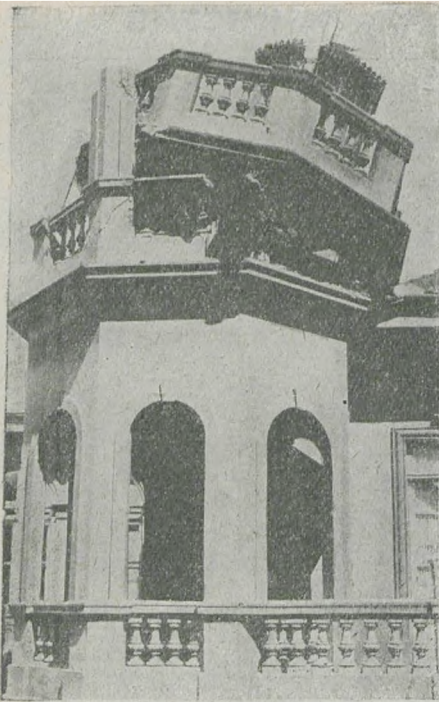
Буденовка и серая шинель,
И на груди кровавятся петлицы,
И жизни новой чудотворный хмель
Скуластые румянит лица.
Еще вчера — жужжание станка
И лязг стальной, железной, меднойковки,
Сегодня гладит ласково рука
Горячий ствол губительной винтовки.
Еще вчера частушка и гармонь
Скликали к деревенскому веселью.
Сегодня воля красная в огонь
Зовет веселой, пулеметной трелью.
И звезды красные, и эти шишаки
Видал и край сугробов и тумана,
И мертвые волнистые пески.
И солнце знойное седого Туркестана.
Дышала грудь у дымного костра
Степной монгольской беспредельной ширью,
И птицы красные, и красное «ура»
Несли тайгой и дикою Сибирью.
Настанет час: и в западную соню,
Над светлым Рейном и над сонной Роной
Стальные птицы ринутся в огонь,
Как птицы красные, поднимутся знамена
Увидят их отроги Аппенин,
Страна доллара, прерий и мустанга,
И в диких джунглях, и среди долин
Священного, таинственного Ганга!
Н. А. Карпов.



Амнистированные женщины расходятся из Ново-Спасского лагеря.

сбивались в кучу, сталкиваясь и перескакивая друг через друга. Каменные ухабы и фруктовые сады Лютеранской улицы магнетизмом вспыхивали в моей голове. Величавая ласка косых глаз заливала все голубым фосфорическим светом. Хорошо было в холодную ночь мечтать о женщине, о возлюбленной, о Лидии Полесской, Лиде.

В хате мы перевязали женщине плечо. Рана оказалась пустяковой, пуля внутрь



Разрушения в республике Коста-Рика. Разваливающееся здание американской миссии в городе Сан-Хосе.



Киоск контрагентства печати на ст. Лиски.

И. Г. Еремин



Вновь избранный заместитель председателя Всесоюзного текстильного совидката—рабочий.

Победой нашего недавнего гостя Эмануила Ласкера закончился, продолжавшийся почти месяц, мировой шахматный турнир в Нью-Йорке. Вначале казалось, что многолетний чемпион мира Ласкер значительно сдал и готов уступить пальму своего первенства нашему чемпиону СССР Алехину. Когда состязание развернулось и наиболее ответственные партии были сыграны, выяснилось, что Ласкер одерживает верх над всеми участниками турнира, не исключая прежнего кандидата на мировое первенство гениального шахматиста Капабланки. Алехин в исходе турнира занял третье место. Шахматисты всех наций с напряженным интересом следили за состязанием, повторяемым иногда только спустя десятилетие и всегда обогащающим мировую шахматную литературу новыми откровениями.

На снимке обшая группа участников турнира: стоят слева направо—Маршалл (чемпион Америки) Тартаковер (Австрия), Мароци (Венгрия), Алехин (РСФСР), Рети (Чехо-Словакия), Боголюбов (Украина); сидят—Исто (Англия), Капабланка (Куба), Яновский (Франция), Эдуард Ласкер (Америка) и Эмануил Ласкер (Германия).

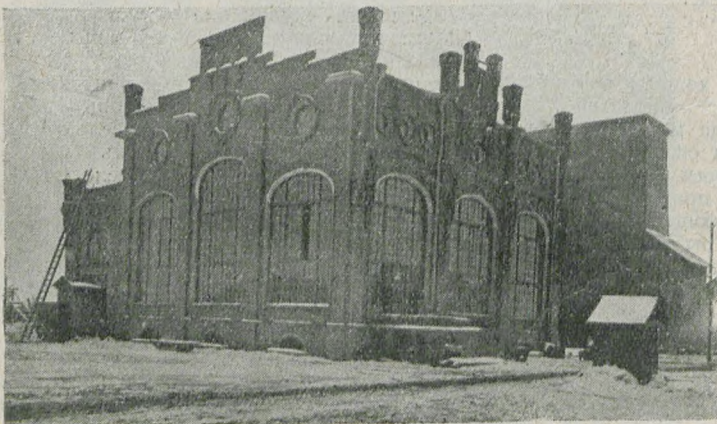


Фот. для „Огонька“.

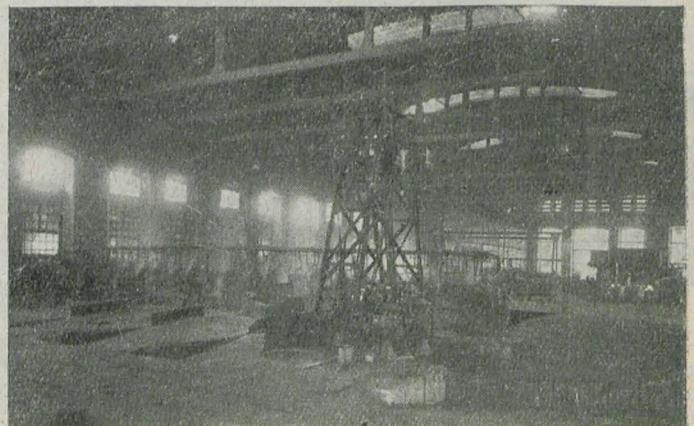
Издатель: „Мосполиграф“.

Редактор: Мих. Кольцов.

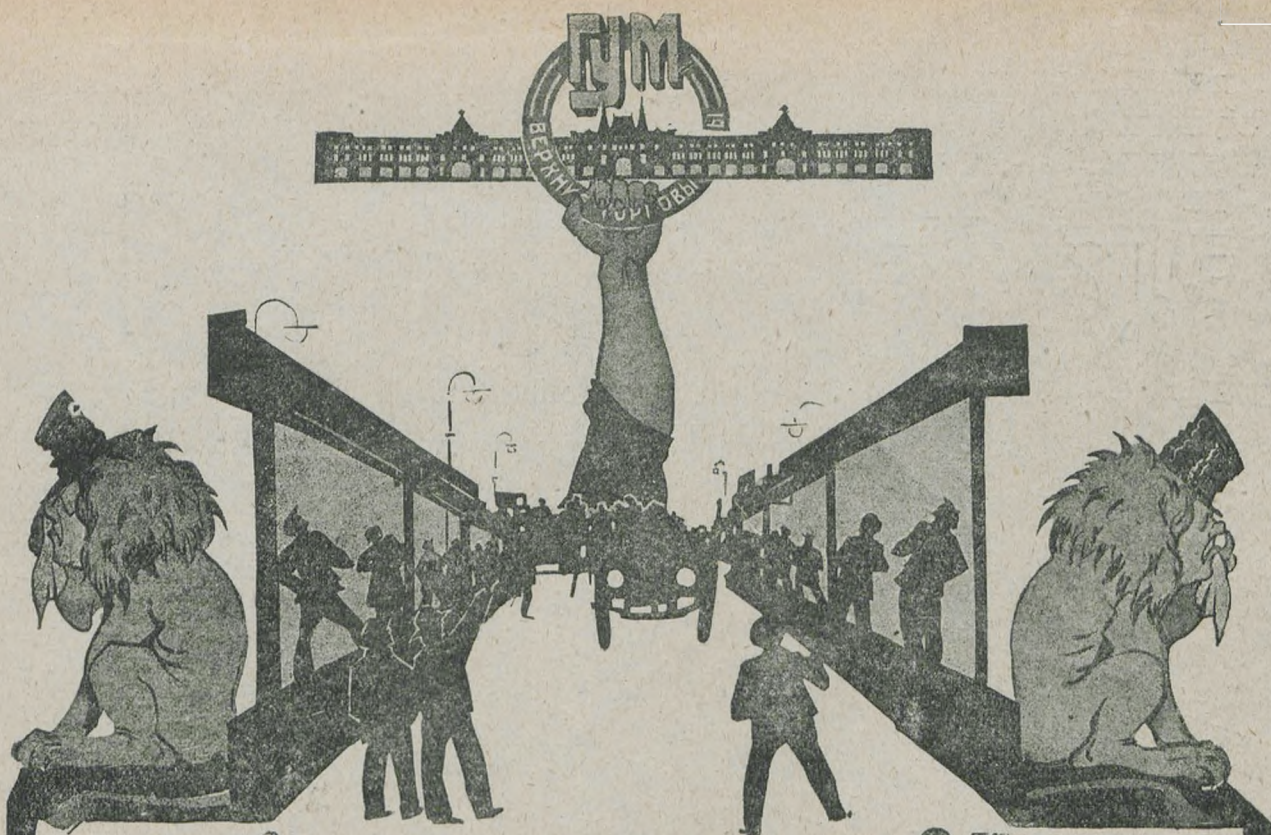
Завод «Красная Этна» — Нижний Новгород



Электрическая станция.



Внутренний вид прокатного цеха.



„СЛЫЖАЛИ ЛЬ ВЫ?“

СЛЫЖАЛИ ЛЬ ВЫ, ВЗДЫХАЛИ ЛЬ ВЫ
МИНУВШИХ ЛЕТ ЗА НЕПОВСКОЮ ШИРМОЙ,
КАК ВЫСОКО СТАЛ ГУМ НАД ЧАСТНОЙ ФИРМОЙ
СЛЫЖАЛИ ЛЬ ВЫ?

ВСТРЕЧАЛИ ЛЬ ВЫ СРЕДИ МОСКВЫ,
БРОДЯ В ТОЛПЕ СРЕДЬ УЛИЧНОГО ШУМА,
ХОТЬ ГДЕ НИБУДЬ РАСЦЕНКУ НИЖЕ ГУМА,
ВСТРЕЧАЛИ ЛЬ ВЫ?

ВЗДОХНУЛИ ЛЬ ВЫ, УВЫ! УВЫ!
УЗНАВ ПРО ГУМ НЕ В ДЕНЬ ПОЛУЧКИ ЯСНЫЙ?
НО ТАМ КРЕДИТ РАБОЧИЙ, И НАПРАСНО
ВЗДОХНУЛИ ВЫ.





БУВЬ

ОБУВЬ

„СКОРОХОД“

МОСКОВСКИХ МАГАЗИНАХ

ЛЕНИНГРАДСКОГО КОЖ-
ТРЕСТА

ТОЛЬКО

„Скороход“

ПРОЧНА,
УДОБНА И
ДЕШЕВА



1. Кузнецк. пер., 3. Тел. 1-72-44.

2. Тверская-Ямская, уг. Оружей-
ного пер., № 23. Тел. 46-18

3. Арбат, № 28. Тел. 2-01-17

4. Таганск. пл., № 7. Тел. 3-77-58

5. Сretenка, № 15. Тел. 76-27.

6. Ул. Баумана, 7, рядом с Бауман-
ским Райсоветом. Тел. 5-87-71.

Розничные магазины в Ленингра-
де, Саратове, Екатеринбурге, Харь-
кове, Киеве.

МУЖСКАЯ ОТ 10 руб. 75 к.

ДАМСКАЯ ОТ 11 руб.

ДЕТСКАЯ ОТ 4 руб. 40 коп.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР

Художественный Коллектив „РУСЬ“

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОРГАН МЕЖРАБПОМА.

Заканчивается постановкой большая художественная лента

„АЭЛИТА“

(Анта-Одэли-Ута).

Сюжет заимствован у Ал. Н. Толстого.

Сценарий Ф. Оцепа и А. Файко.

Режиссер Я. А. Протозанов. Операторы: Ю. Желябужский, Э. Шюнеман.

Главные роли исполняют: В. Е. Куинджи, В. Г. Орлова, Ю. И. Солнцева,
Н. М. Третьякова, Н. П. Баталов, Ю. А. Завадский, И. В. Ильинский,
П. Н. Польш, Н. М. Церетелли, К. В. Эггерт.

Декорация В. А. Симова.

Костюмы Н. П. Ламоновой по эскизам А. А. Экстер.